

(S. 82—135) gegeben. Dieser Zeitabschnitt hatte für die Entwicklung der estnischen Nationalkultur große Bedeutung. Im Interesse einer Sprachregulierung wurden damals verschiedene Zeitschriften und andere periodische Ausgaben publiziert. Daneben kam es zur Gründung von wissenschaftlichen Vereinen und Museen. In der Dissertation sind ihr Wirken und ihre historische Rolle analysiert und eingeschätzt worden.

Die estnische Volksdichtung wurde schon im 19. Jahrhundert zielstrebig aufgezeichnet und erforscht. Im 20. Jahrhundert sah man sie als wertvollen Kulturschatz an. Das von Fr. R. Kreutzwald zusammengestellte Epos «Kalevipoeg» rief eine lebhaft Polemik hervor, und man trat sogar mit dem Vorschlag an die Öffentlichkeit, seine altertümliche Sprache durch ein modernes Estnisch zu ersetzen. Dabei ging man von der Ansicht aus, daß

«Kalevipoeg» kein Volksepos, sondern ein literarisches Nationalepos sei. Besondere Aufmerksamkeit wird den von Johannes Aavik angestrebten Sprachreformen geschenkt, die eine wirkliche lexikalische und morphologische Bereicherung der estnischen Literatursprache darstellten.

Abschließend geht S. Olesk auf Neuerungen in der Praxis der estnischen Poesie in den Jahren 1905—1917 ein. Alle Richtungen, die in der Dichtung von Villem Grünthal-Ridala, Marie Under, Marie Heiberg, Juhan Liiv, Hendrik Visnapuu u. a. Anwendung finden, werden von der Autorin der Dissertation analysiert und kritisch eingeschätzt.

Von der Tiefgründigkeit der von Sirje Olesk vorgelegten Forschung zeugt auch das außerordentlich umfangreiche Verzeichnis der literarischen Quellen, das 313 Titel enthält.

PAUL ARISTE (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1990.2.15>

Л. П. Кирпу, Марковский говор финского языка Ленинградской области (фонетика и морфология). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1989.

30 октября 1989 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 в Тартуском университете состоялась защита кандидатской диссертации научного сотрудника Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР Лилии Кирпу «Марковский говор финского языка Ленинградской области (фонетика и морфология)». Работа выполнена под руководством доктора филологических наук профессора П. Алвре. Официальными оппонентами выступали доктор филологических наук А. Лаанест (Таллин) и кандидат филологических наук Л. Я. Галахова (Ленинград).

Те языки коренных народов, на которых говорят в исторически именуемой Ингерманландией части Ленинградской области, имеют большое значение с точки зрения сравнительно-исторического изучения прибалтийско-финских языков. На этой территории многие столетия жили водь, ижора, позже финны — все они оказывали друг на друга влияние в языковом отношении. Только исследовав

все диалекты этих близкородственных языков, можно делать достоверные выводы о том, что для определенного языка является исконным, а что следует отнести к поздним влияниям другого языка. Эти выводы, в свою очередь, ведут к реконструкции прибалтийско-финского языка-основы и его более ранних диалектных группировок.

Финские диалекты Ленинградской области по сравнению с распространенными на территории Финляндии исследованы довольно мало. А. И. Шёгрэн и особенно В. Поркка определили основные группы ингерманландских финских говоров и выделили некоторые характерные для этих групп языковые признаки. Однако выводы упомянутых ученых основаны на знании далеко не всех ингерманландских говоров. В нашем веке финские лингвисты собрали материал различных ингерманландских диалектов и опубликовали диалектные тексты. Этот материал нашел отражение в двух опубликованных томах финского диалектного словаря, однако

Л. Кирпу не обнаружила там данных марковского диалекта. В. М. Олликайнен составлена рукопись словаря северингерманландских говоров. Изданы монографии по фонетике и фонологии отдельных говоров (Ю. Мягисте, М. Леппик, А. Кукконен); диссертация Л. Галаховой посвящена особенностям консонантизма во многих ингерманландских финских говорах. Однако марковский говор систематически до сих пор еще не исследовался. Исчезновение этого говора ускоряет то обстоятельство, что деревни, в которых он употреблялся, уничтожены во время войны и бывшие жители разбросаны по русским селам. Вышеизложенное определяет актуальность и новизну темы рецензируемой работы Л. Кирпу.

Исследование имеет в основном описательный, синхронный характер, но есть в нем и исторические объяснения некоторых рассматриваемых явлений.

В главе «Фонетика» перечисляются фонемы марковского говора, дается их артикуляторная характеристика и показывается дистрибуция каждого гласного и согласного. В отдельных разделах рассматриваются долгие гласные, дифтонги и сочетания согласных. Систематически анализируются все встречающиеся в говоре типы слогов и их дистрибуция, а также структура слова. Дается обзор и основных морфонологических чередований, которые толкуются большей частью как исторические изменения: апокопа и синкопа, чередование ступеней согласных, геминация и палатализация. Такое обстоятельное описание звуковой системы, как в данной работе, имеется пока по очень немногим из прибалтийско-финских говоров. И все же необходимо обратить внимание на некоторые положения автора, вызывающие сомнения, неточные или даже ошибочные.

На с. 22 Л. Кирпу пишет: «В первом слоге слова встречаются \bar{i} , \bar{u} , $\bar{ü}$, являющиеся продолжателями древних долгих гласных \bar{i} : *rīh*, *sīl*, *vīkate* ... \bar{u} : *jūr*, *jūvva* ... $\bar{ü}$: *kūnel*, *pūhkī*, *sūvvā*.» В инфинитивных формах *jūvva*, *sūvvā* изначально употреблялись \bar{o} и $\bar{ö}$. Относительно слов *rīh*, *vīkate*, *pūhkī* следует учитывать, что в некоторых прибалтийско-финских языках в соответствиях этих слов выступает краткий гласный.

На с. 22 перечисляются формы с долгими гласными в непервых слогах. Перечень их, очевидно, неполный. В типе склонения *kinnas*, *lammas ā* употребляется не только в номинативе множественного числа, но и в падежах единственного числа. Не упомянуты и случаи с \bar{e} в таких формах, как *hernēn*, *hammēn*. В главе, посвященной фонетике, никак не комментируется чередование долгого гласного и дифтонга в таких формах 3-го лица единственного числа настоящего времени, как *ottua*, *tulluo*, а с другой стороны, *antā*, *kūntelō*, *tekkō*, *pessō*, *juoksō*, *valitsō*, *pakenō* (см. с. 226—227). В ходе обсуждения автор объяснила указанное разнообразие использованием данных, полученных от информантов разных поколений.

На с. 23 все сочетания гласных, образовавшиеся в результате утраты согласного, называются дифтонгами. Разве в этом диалекте невозможно сохранение слоговой границы между гласными?

На с. 30 следовало бы указать, что *l* встречается не только перед *i*, но и в конце слова. То же относится к согласному *š*.

На с. 33 следовало бы добавить, что *l* употребляется не только перед *i*, но и перед *j* (ср. с. 36).

На с. 39 среди встречающихся в русских заимствованиях сочетаний трех согласных целесообразно выделить те, что не обнаруживаются в исконной лексике.

В перечне конечных согласных на с. 39—40 отсутствует *h* (см. с. 22: *rīh*). *l* употребляется не только в 3-м лице единственного числа имперфекта, но и в номинативе существительных (см. с. 27).

На с. 82 не объяснено, как получена основа множественного числа в таких формах генитива множественного числа, как *kalloin*, *hūvvīn*, *leipīn*.

При анализе форм множественного числа не комментируется употребление форм сильной степени или геминированных, например, *lautoist* (с. 92), *poikīs* (с. 103), *kallois* (с. 104), *settīs* : *setā* (с. 106).

На с. 100—101 автор утверждает, что в марковском говоре употребляются притяжательные суффиксы только 1-го и 2-го лица единственного числа. Очевидно, мы имеем дело все же с притяжательным суффиксом 3-го лица в формах инфини-

тива *muute-ssā, sūvve-ssā* (с. 165) и в наречии *ajallā* 'во-время' (с. 232).

На с. 126 и сл. приведены порядковые числительные 1—19 и их падежные формы, но не пояснен принцип образования больших (сложных) порядковых числительных.

На с. 162 выясняется, что в окончаниях 2-го лица множественного числа и 3-го лица единственного числа императива долгий гласный не дифтонгизировался. Тем самым необходимо на с. 22—23 дополнить перечень тех форм, в которых долгие гласные выступают в первых слогах.

В связи с происхождением союзов (с. 182) можно было сослаться на диссертацию или статьи Р. Карельсона.

В «Заклучении» как основной приводится вывод о том, что в марковском говоре «преобладают черты, характерные для восточных диалектов, а точнее, черты юго-восточного диалекта». Для подтверждения перечисляются 16 характерных для марковского говора черт. Все эти черты действительно встречаются в восточных диалектах финского языка, но некоторые из них распространены шире. Сохранение смычных, замыкающих слог (*kakla, kakra*), является общим даже с карельским и вепским языками, причем в разных словах это явление распространено по-разному: например, *ekle(n)* и *putro* характерны как раз для юго-восточных диалектов финского языка. *ä* в глаголе *tännä* и лабиализация *e* в 3-м лице един-

ственного числа настоящего времени, кроме восточных диалектов финского языка, встречаются в карельском, ижорском и вепском языках. Признак множественного числа *-loi, -löi* является общим для финских восточных диалектов, ижорского и карельского языков. Утрата *a* и *ä* в окончаниях местных падежей известна на обширной территории Южной Финляндии, включая юго-западные диалекты. В марковском говоре имеются и черты, свойственные именно некоторым юго-восточным говорам: дифтонгизация долгих гласных, образовавшихся в 3-м лице единственного числа настоящего времени, инфинитивные формы *juossa, pessä*.

Ценное приложение к исследованию составляют таблицы склонения и спряжения, а также короткие тексты на анализируемом диалекте.

Работа Л. Кирпу представляет собой систематическое описание фонетики и морфологии малоизвестного говора с историческим толкованием некоторых явлений. Автору удалось определить место исследуемого говора среди других финских диалектов. Содержащиеся в работе данные и выводы помогут в решении проблем истории и диалектологии прибалтийско-финских языков. Материал ее будет непосредственно использован в совместной работе лингвистов Советского Союза и Финляндии «Прибалтийско-финский лингвистический атлас».

АРВО ЛААНЕСТ (Таллинн)

Д. Е. Казанцев, Историческая диалектология марийского языка (Образование диалектов и сравнительно-историческое описание их фонетики). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Йошкар-Ола 1989.

13 ноября 1989 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 в Тартуском университете успешно защитил докторскую диссертацию, выполненную в Марийском государственном педагогическом институте им. Н. К. Крупской, Д. Е. Казанцев. Официальными оппонентами были доктор филологических наук А. Лаанест, И. Г. Иванов, М. В. Мосин и А. Кюннап.

Несмотря на то что изучение диалек-

тов марийского языка имеет определенную историю, данный раздел марийского языкознания до сих пор остается мало разработанным. Одной из причин такого положения является большая сложность структуры диалектного языка. Раскрытие ее в историческом развитии — появление диалектных различий, изоглосс в их временном и территориальном аспектах — требует от исследователя пристального внимания как ко внутриязыковым про-